

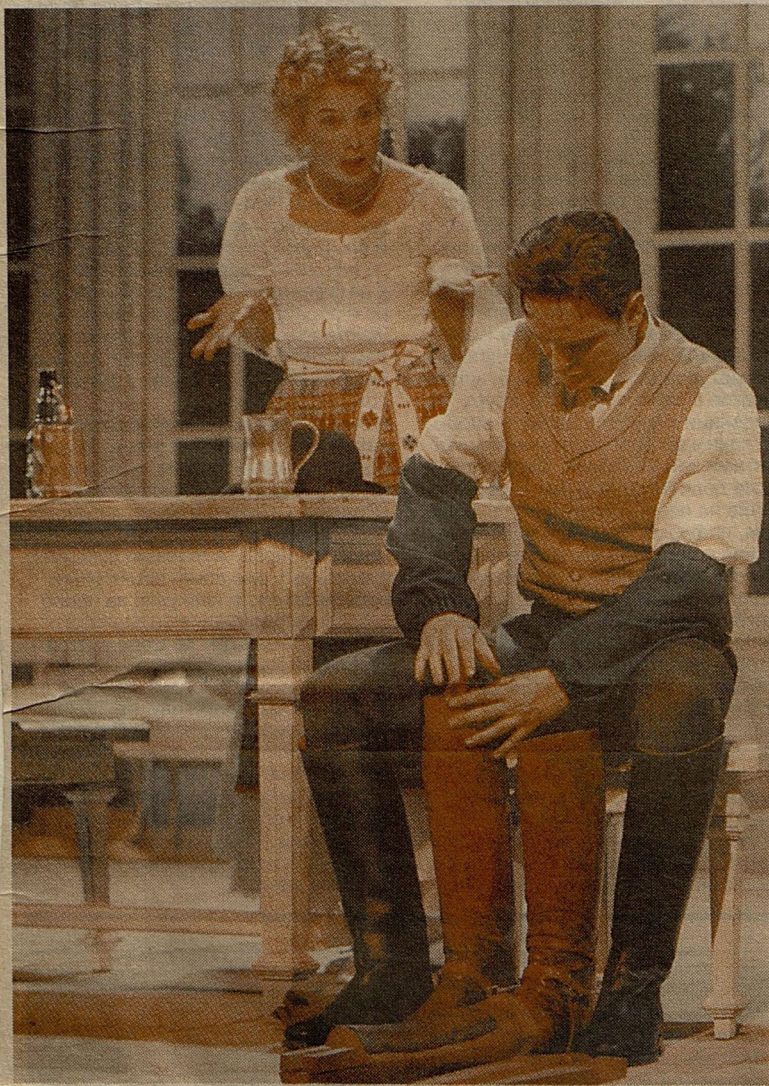
премьера Газета 2005 - 14 марта - с 25.

ЧИЖИКА ЖАЛКО

Андрей Кончаловский поставил на Малой Бронной «Мисс Жюли»

ГЛЕБ СИТКОВСКИЙ

Кинорежиссера Андрея Кончаловского в последнее время отчего-то серьезно потянуло на сцену. Началось с прошлогодней постановки чеховской «Чайки» на фестивале «Черешневый лес», продолжилось Стриндбергом. В афише Театра на Малой Бронной появилась самая известная пьеса шведского гения «Фрекен Жюли», слегка переименованная свое название по прихоти Кончаловского. После сыгранной год назад роли Нины Заречной жена режиссера Юлия Высоцкая показала публике, как и следовало ожидать, в заглавной роли.

Жюли (Юлия Высоцкая) приятно удивлена сновкой своего любовника и лакея (Алексей Гришин), шустро начищающего графские сапоги Фотограф: Михаил Гутерман

Начнется спектакль многообещающе — зазывным женским смехом за сценой и последующим показом голых сисек впечатляющих размеров зрительному залу. Пару раз тряхнув «богатством», раскрасневшаяся кухарка Кристина (Дарья Грачева) заправит грудь и огорошит вопросом

лакея Жана (Алексей Гришин), едвającego на бегу за красавицей: «А, ты тут уже?» Тон задан первым же вопросом, мизансцена решена бессмысленно, но смело. Ближе к середине спектакля режиссер великодушно доставит зрителю удовольствие рассмотреть голую попу Юлии

Высоцкой: лакей задержит юбку Мисс Жюли и попытается ее вздрючить на глазах у изумленной публики. Сцена опять же решена не слишком умно, но цель достигнута — скандал сделан. Мастер самопиара Кончаловский знает, что настоящий успех без скандала невозможен, и все эти сиськи-попки введены в ткань спектакля исключительно для того, чтобы о них пропечатали в газетах. Безропотно выполняю режиссерскую волю. В обращении с текстом Кончаловский оказался так же смел и решителен, как и во всем остальном. Старый перевод стриндберговской пьесы, показавшийся ему излишне жантильным и устаревшим, подновлен и огрублен. Откуда возникло в заголовке «мисс», объяснить теряюсь: графскую дочку в спектакле не обзывают ни по-шведски, ни по-английски, а именуют просто барышней. По ходу действия кому-то может показаться, что выкинуты целые куски текста, но впечатление обманчиво: все, что сделал Кончаловский, — спрямил углы и убрал полутону. А коли утеряна подоплека тонких душевных движений, то и вся хаотическая структура диалогов, свойственная Стриндбергу, начинает выглядеть нелепицей. Резче, отчетливее, прямолинейнее — вот, по-видимому, и все указания, что получали актеры во время репетиций. Точно такую же штуку проделал Кончаловский в прошлом году с «Чайкой». Весь чеховский муар был им решительно выправлен — порой чудилось, будто пьесу подвергли обработке «фотошопом» и десятикратно увеличили резкость. То, что вышло в результате такой обработки, вид, сами понимаете, имело наипошлейший. Ведь, собственно говоря, пошлость — это и есть упрощение сложного. Август Стриндберг как раз из тех драматургов, упрощать которых категорически нельзя. Однако Кончаловского, постановщика внешне эффектного, но демонстрирующего абсолютную глухоту по части тонких материй, отчего-то раз за разом тянет не к «своим» авторам. Вроде бы и старается человек, и жесткий режиссерский рисунок прорисовывает, и красоту сценической картинке старается наладить, а на ломающих комедию актеров глядеть решительно неловко. Они и сами-то друг на друга не слишком охотно смотрят, предпочитая демонстративно выламываться на публику. Любовнее всего они обращаются с таинственно поблескивающей кухонной утварью, во всем своем разнообразии заполонившей сцену. Пузатые чайники, массивные кружки, кофейные мельницы, медные рукомоиныки — ведущая программы «Едим дома», вымазанная то в крови, то в шоколаде, должна чувствовать себя в такой декорации как рыба в воде. Ближе к финалу спектакля Жан дополнит ее коллекцию рецептов, ловко отрубив голову чижика на разделочной доске. Чижика жалко. Остальных — нисколько.